

5. Гарэн. Э. Проблемы Итальянского Возрождения. М.: Прогресс, 1986. 396 с.
6. Гофф Жак Ле. Интеллектуалы в Средние века / пер. с фр. А. М. Руткевича. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 160 с.
7. Гумбрехт Х. У. Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 7-17.
8. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества истории. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 762 с.
9. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. Т. 4. Герменевтика и теория литературы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 538 с.
10. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
11. Наука глазами гуманитария / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 688 с.
12. Плотников Н. С. Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 232 с.
13. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. Т. I. / отв. ред., сост. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2008. 592 с.

**«Позитивная формула» герменевтики Ф.Д.Э. Шлейермахера
и её предметная экспликация во второй половине XX века***

Нестеров А.Ю., Самара

д. филос. н., профессор, зав. кафедрой философии,
Самарский университет

Таллер Р.И., Самара

д. филос. н., профессор,
Самарский университет

Статья содержит краткий исторический обзор базовых теорий технической герменевтики, отвечающих на вопрос «что значит понимать?». Анализируются «позитивная формула» Ф. Д. Э. Шлейермахера, аналитические модели процедуры понимания В. Кюнне и О.Р. Шольца, концепция понимания как расшифровки кодов и её критика. Формулируется семиотическое представление о процедуре понимания как исполнении семантического правила в рецептивном семиозисе[†].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00760 КОМФИ.

[†] В статье используются фрагменты книги А.Ю. Нестерова, вышедшей в 2008 году [4].

Ключевые слова: техническая герменевтика, понимание, рецепция, семиозис, расшифровка кодов.

A.Yu. Nesterov, R.I. Taller, Samara

“Positive formula” of hermeneutics F.D.E. Schleiermacher and its subject explication in the second half of the 20th century

The article contains a brief historical overview of the basic theories of technical hermeneutics that answer the question “what does it mean to understand?”. The author analyzes “positive formula” of F.D.E. Schleiermacher, analytical models of the understanding procedure of V. Künne and O.R. Scholz, the concept of understanding how to decipher codes and its criticism. A semiotic concept of an understanding procedure is formulated as the implementation of a semantic rule in receptive semiosis.

Keywords: technical hermeneutics, understanding, reception, semiosis, interpretation of codes.

В случае познания любой исследователь может опереться на внятные определения, позволяющие анализировать абстракции, отвечающие на вопросы как о сущности, так и о функции познания. В случае понимания ситуация, особенно для русскоязычной философской среды, не выглядит ни внятной, ни прозрачной. В связи с этим, прежде чем мы сможем ответить на вопрос о роли процедуры понимания в предметной и не предметной коммуникации, необходимо прояснить те наиболее общие способы, которые в последние два десятилетия используются европейской герменевтикой для классификации теорий понимания и определения содержания и объёма понятия понимания.

В качестве базовой классификации, позволяющей разделять понятие герменевтики, мы будем использовать модель Г. Шольтца [14]. Она включает техническую герменевтику, философскую герменевтику и герменевтическую философию. Техническая герменевтика формулирует правила, которым необходимо следовать, чтобы добиться понимания чего-то. Философская герменевтика приводит основания, в соответствии с которыми правила, сформулированные технической герменевтикой, могут быть объяснены в контексте определённой парадигмы. Герменевтическая философия позволяет рассматривать вопрос о бытии, т.е. онтологический вопрос, используя терминологический контекст учения о понимании и интерпретации.

Следуя Гунтеру Шольтцу в его классификации и применяя к общему полю герменевтики модель Р. Коллингвуда, в соответствии с которой нечто (некоторый текст) может быть понято лишь тогда, когда понят вопрос, ответом на который является именно данное нечто (данный текст), согласимся с тем, что собственный вопрос герменевтики есть вопрос технической герменевтики. Это вопрос о технике понимания, которая должна быть сформулирована или заново открыта каждой новой эпохой (и каждым отдельным человеком), чтобы впоследствии быть объяснённой или послужить фундаментом некоторой онтологи-

ческой модели. В соответствии с этим любое сущностное (эссенциальное) определение понимания как ответ на вопрос «что есть понимание?» опирается на функциональное определение как ответ на вопрос «что делает понимание?».

Рассматривая понимание в контексте технической герменевтики как некоторую практическую деятельность, изначально обусловленную практическими нуждами человека, можно увидеть в истории определения этого понятия два контекста, на фоне которых обычно раскрывают его содержание. Первый контекст образуется теорией познания и берёт своё начало с определения, данного Августином (Августин А. О христианском вероучении. Цит. по [3, с. 20]), где понимание есть переход от знака к его значению. Второй контекст образуется теорией коммуникации и подразумевает дефиницию Ф. Шлейермахера [13, S. 93], в соответствии с которой понимание есть воссоздание данной нам речи. Все влиятельные технические определения понимания восходят к одному из этих двух контекстов, то есть ориентированы в большей степени на понимание либо гносеологических, либо коммуникативных знаков. Среди последователей Августина в XVIII веке следует в первую очередь указать на Фридриха Майера [10, S. 5], который в первом параграфе «Попытки об общем искусстве интерпретации» даёт дефиницию искусства интерпретации как науки о правилах, при учёте которых в широком смысле можно познавать значения на основании их знаков, а в узком – смысл на основании речи. На рубеже XIX и XX веков Вильгельм Дильтей [1, с. 237-262; 8, S. 235] занимает гносеологическую позицию, определяя понимание как процесс, в котором внутреннее познаётся на основании знаков, даваемых человеку чувствами извне, и одновременно коммуникативную, определяя понимание как «обнаружение Я в Ты». В контексте теории коммуникации следует указать на влиятельных мыслителей XX века, Людвиг Виттгенштейна [16, с. 560] и Ганса Георга Гадамера [8, S. 346 ff.], предложивших определять понимание как применение языка, фактически как в контексте теории познания, так и в контексте теории коммуникации.

Самое простое определение понимания можно было бы предложить, ограничив сферу применения термина «понимание» до коммуникативных явлений: с пониманием мы имеем дело только тогда, когда вынуждены, будучи реципиентами, определять денотаты коммуникативных знаков; во всех остальных случаях мы имеем дело с познанием. В этом случае понимание было бы тождественно интерпретации. Такова установка так называемой «общей герменевтики» XVII-XVIII вв., применяющей понятие «интерпретации» исключительно к коммуникативным знакам и текстам; однако в XIX-XX вв. понятие интерпретации было существенно расширено вплоть до применения его к некомуницируемым объектам чувственного восприятия, к «миру» и «фактам», что привело к растождествлению понимания и интерпретации. Рассмотрим предметно некоторые часто цитируемые западноевропейской философией определения понимания в технической герменевтике, предлагающие конкретные ответы на вопрос о том, что нужно сделать для того, чтобы преодолеть непонимание.

В первую очередь необходимо прояснить концепцию понимания как «воссоздания» (Nachconstruiren) Ф. Шлейермахера в свете созданной им «позитивной

формулы» герменевтики, подразумевающей последовательный набор правил, при следовании которым реципиент в состоянии раскрыть семантику речевого высказывания.

Понимание как «воссоздание» есть реконструкция данной реципиенту речи автора, процесс, обратный акту говорения и позволяющий включить в анализ момент «понимания через язык» и «понимания через говорящего» [12; 13]. Дуальность прагматических оснований, то есть презумпций, правилам которых должна следовать процедура понимания, в «Общей герменевтике» Ф. Шлейермахера фиксируется как противопоставление грамматической («понимание через язык») и технической («понимание через говорящего») сторон интерпретации; само же разграничение двух форм понимания известно и герменевтике XVIII в. – у Фр. Майера его можно обнаружить как разграничение природных знаков (область природы, создателем которой является бог) и произвольных знаков (область социальной жизни, создателем которой является человек) [10, S.17-41].

В рамках рабочего определения герменевтики как «искусства правильно понимать речь другого» [13, S. 75] значимой оказывается структура процесса воссоздания, осуществляемого сознанием реципиента, а именно соотнесение принципиально различных прагматических оснований в акте понимания. Мы могли бы утверждать, что это процедура выявления так-бытия объекта (в терминах Н. Гартмана) или сигнификата коммуникативного знака (в терминах общей семиотики) в сознании реципиента; в терминах В. Дильтея принцип воссоздания и позитивная формула герменевтики представляют собой правила интерпретации текста; в терминах Э. Кассирера это правила репрезентации, механизм представления одного содержания сознания другим, которому необходимо следовать, чтобы добиться правильного понимания речи другого субъекта. В этом указании на значимость самой процедуры индивидуального понимания заключается существенное отличие технической герменевтики Ф. Шлейермахера от «общей герменевтики» XVII и XVIII веков, подразумевавшей возможность, выражаясь словами Хр. Вольфа, «понять автора так же хорошо, как он сам себя понимал»: иными словами, технически Ф. Шлейермахер требует учёта сложного взаимодействия индивидуальных процессов познания, осуществляемых как автором (отправителем сообщения), так и реципиентом, со способами их коммуникации конвенциональным языком.

Позитивная формула Ф. Шлейермахера включает в себя четыре этапа, на каждом из которых сознание реципиента занимает определённую позицию по отношению к «данной ему речи», т.е. на каждом этапе происходит определённого рода «воссоздание» текста чужой речи. В контексте нашего рассуждения «данная субъекту речь» есть ничто иное, как коммуникативный знак в сознании реципиента. Речь идёт о своего рода задачах, последовательно формулируемых каждым этапом воссоздания, так что их комплексное решение даст реципиенту искомое правильное понимание:

(1) объективно исторический и объективно профетический этап («Objectiv geschichtlich und objectiv prophetisch») требует выявления структуры

речи как продукта языка в её самом общем отношении к языку эпохи и выявления того, как данная речь сама становится моментом производства языка;

(2) субъективно исторический и субъективно профетический этап («Subjectiv geschichtlich und subjectiv prophetisch») требует выявления того, как речь становится фактом в сознании говорящего, как она воздействует на говорящего, на мысли, содержащиеся в его сознании;

(3) задача на этом этапе формулируется как необходимость «понять речь сначала так же хорошо, а потом и лучше, чем сам её автор», она обуславливается тем, что для самого автора многое в его сознании могло оставаться неосознанным. При этом сам автор с объективной точки зрения не обладает перед исследователем преимуществом, если он является своим собственным читателем;

(4) последний этап требует понять задачу третьего этапа как бесконечную, поскольку то, что мы хотим увидеть в моменте речи, есть бесконечность будущего и прошлого [13, S. 93-94].

Первый и второй этапы воссоздания соотносены с «пониманием через речь», то есть с историческим или грамматическим пониманием, третий и четвёртый – с «пониманием через говорящего», т.е. с техническим или психологическим пониманием. Чрезвычайно важным кажется тот факт, что на каждом из этапов воссоздания «речь» включается в некоторую целостность сознания и должна находить в этой целостности своё место. А находя своё место, она должна показывать себя как момент воспроизведения этой целостности. Тем самым принцип герменевтического круга как соотносения части и целого формулируется как принцип работы понимания: «повсюду совершенное знание в этом кажущемся круге, что всякое особенное может быть понято лишь из общего, чьей частью оно является, и наоборот» [13, S. 95]. Что это за целое и почему круг лишь кажущийся? Кажимость круга связана, очевидно, с обусловленной онтологически невозможностью осмыслить деятельность понимания без деятельности познания. Вот-бытийственный момент, открываемый познанием, впервые делает сущее фактом сознания, а так-бытийственный момент, открываемый пониманием, позволяет раскрыть этот факт в отношении всего опыта восприятия человека. Любой элемент сознания изначально схватывается в тождестве его так-бытия и вот-бытия, и процедуры понимания и познания дополнительные по отношению друг к другу. Целое, в которое включается через понимание речевой знак, – это целое сознания, целое опыта восприятия и представления, взаимодействующее с этим знаком лишь через момент тождества его факта и сущности (или, в терминах семиотической схемы – через соотношение денотата и сигнификта). Круг понимания неизменен только с точки зрения самого процесса понимания, который есть воссоздание только одного объекта или, иными словами, объекта, схваченного только одним тождеством, являющим его сознанию в качестве объекта. Отметим, что в «позитивной формуле герменевтики» Ф. Шлейермахера «речь» уже подразумевает наличие денотата в виде объекта, нужно лишь правильно её воссоздать, чтобы добиться понимания, то есть реконструировать обозначенный ей денотат.

Здесь возникает вопрос, который определяет понятие герменевтики как методологии гуманитарного знания, равно как и место того «единства формы», которым обладает понимание и которое отлично от «единства формы» познания. Вопрос заключается в том, что именно воссоздаётся в рамках этой позитивной формулы, или, иными словами, так ли бесппроблемно для герменевтики изначально наличие подлежащей пониманию «речи» в сознании в качестве объекта? Как представляется, это вопрос, актуальность которого определяется не только и не столько теорией понимания, сколько теорией познания.

В этом плане интересно рассмотреть модели интерпретации (обозначаемые, правда, их авторами в качестве моделей понимания), предлагаемые принципиально антиметафизическим способом философствования, а именно аналитической философией.

Для группы представителей западноевропейской герменевтики последних двадцати лет, следующих аналитической традиции, характерным способом введения понятия интерпретации (как процедуры перехода от знака к его значению) являются ступенчатые «модели понимания», представляемые впервые в 1981 году Вольфгангом Кюнне [9] и в 1998 году – Оливером Шольцом [15].

Первый предлагает шестиступенчатую конструкцию, включающую: 1) перцептивное понимание, 2) буквальное понимание, 3) буквальное понимание в данном контексте, 4) схватывание пропозиционального смысла выражения, 5) понимание модального смысла выражения, 6) понимание как объяснение действия говорящего субъекта (как раскрытие контекста, в котором его высказывание объяснимо) [9, S. 65-67].

Второй предлагает девятиступенчатую конструкцию, включающую: 1) перцептивное понимание, 2) понимание в качестве знака, 3) понимание в качестве языкового знака, 4) понимание в качестве символа определённого языка L, 5) понимание потенциального смысла высказывания в языке (буквальный смысл), 6) понимание актуализованного в контексте языкового смысла (снятие многозначности), 7) понимание сказанного выражением предложения (пропозиция), 8) понимание модальности высказывания (сила высказывания), 9) понимание прагматически имплицированного смысла (косвенное понимание) [15, S. 294-312].

Исходная ступень понимания подразумевает для обоих авторов физическое восприятие высказывания. В. Кюнне: «Интерпретатор понял высказывание... перцептивно, если он знает, какое языковое выражение высказал другой, если он в состоянии на основании восприятия произведённых знаков дословно их процитировать» [9, S. 65]; О.Р. Шольц: «Критерием понимания этого типа является способность на основании восприятия высказывания его корректным образом дословно воспроизвести, корректно процитировать и также проверить это воспроизведение на правильность, в том числе и с помощью других говорящих» [15, S. 295]. О.Р. Шольц формулирует критерий непонимания и неправильного понимания для этого уровня: если высказывание произнесено слишком тихо или с непривычной слушателю артикуляцией, равно как если шрифт неразборчив или повреждён, у реципиента нет возможности корректного воспроизведения

услышанного/прочитанного, что собственно и является непониманием или приводит к неправильному пониманию. Оба автора подчёркивают, что перцептивное понимание, хотя и является самостоятельной когнитивной деятельностью, не имеет отношения к семантике, на этом уровне из него невозможно извлечь никакого «смысла».

Вторая степень понимания (используя нумерацию ступеней, мы следуем более детальной последовательности ступеней О.Р. Шольца) отсутствует у В. Кюнне и подразумевает, что реципиент распознаёт в физическом восприятии «знак или символ какого-либо рода»: «интерпретационная гипотеза на этой ступени имеет форму: „х есть знак“» [15, S. 297]. О.Р. Шольц иллюстрирует эту степень интерпретации деятельностью археолога или этнолога, зачастую не имеющего представления о том, следует ли ему интерпретировать некоторый артефакт как знак или не следует. Отметим, что выделение этого уровня фундаментально абсолютно однозначным представлением о знаке как об исключительно коммуникативном знаке, не допускающем расширенного «гносеологического» толкования.

Третья степень понимания (она также не артикулируется В. Кюнне) подразумевает, что некоторый артефакт, интерпретируемый как знак, интерпретируется как языковой знак: интерпретационная гипотеза имеет здесь форму «х есть языковой (вербальный) знак». О.Р. Шольц не предлагает никаких дополнительных комментариев, указывая лишь на то, что языковые знаки являются неприродными, то есть конвенциональными, обладающими алфавитом или вокабуляром, и их следует отличать от иконических знаков, называемых им «изобразительными» [«bildlich»].

Четвёртая степень (также отсутствующая у В. Кюнне) подразумевает конкретизацию языка, которому принадлежит интерпретируемый в качестве языкового знака артефакт. Интерпретационная гипотеза имеет здесь вид «х есть символ (выражение, слово, предложение и т.д.) языка L». О.Р. Шольц показывает, что интерпретация этой ступени описывается, например, у Дж. Остина как фатический акт, подразумевающий говорение как действие высказывания определённых слов, то есть «звуков определенной организации, принадлежащих определённому вокабуляру... определённые конструкции, принадлежащие определённой грамматике... определённую интонацию» [15, S.298]. На этом уровне интерпретации впервые задействуются те способности реципиента, исследованием и фиксацией которых занимается лингвистика в разделах морфологии и синтаксиса.

Пятая степень понимания (или вторая у В. Кюнне) подразумевает осуществление семантики. «Кто понимает потенциальный лингвистический смысл языкового высказывания, тот знает, какой смысл имеет высказанное предложение или выражение (в виде типа предложения или высказывания) в использованном говорящим языке. Традиционно на этом уровне говорят о грамматической интерпретации, о «*sensus litteralis*» или буквальном смысле» [15, S.299]. «Интерпретатор достиг второй степени понимания, если он знает, каким смыслом высказанное предложение Z обладает в использованном говорящим языке S.

Я называю это понимание схватыванием буквального смысла выражения» [9, S. 65]. Критерием понимания выступает способность реципиента «перефразировать или перевести высказанное предложение; способность употребить его в подходящем контексте; способность соразмерно реагировать на выражение предложения» [9, S. 65]. Непонимание обусловлено, насколько можно судить, «языковой бессмысленностью», не позволяющей реципиенту определить смысл выражения в используемом говорящим языке. Эту языковую бессмысленность О.Р. Шольц делит на три класса случаев: синтаксическая бессмысленность или псевдопредложения, категориальные ошибки или нарушения правил селекции, лексическая бессмысленность.

Шестая ступень понимания или третья у В. Кюнне подразумевает снятие многозначности высказывания. Реципиент распознаёт здесь «буквальный смысл Z в S в данном контексте высказывания» [9, S. 65]; сама процедура снятия многозначности подразумевает реализацию общих принципов интерпретации: «снятие многозначности показывает, что принципы доброжелательной интерпретации неизбежны уже на уровне языкового смысла [...] Объяснение значения на этой ступени принимает характерную форму вида „... обозначает здесь (в данном контексте) –“.» [15, S. 302] Видимо, начиная с пятой и шестой ступени, возникает возможность сопоставления этой аналитической формулы с классическими герменевтическими моделями, поскольку здесь отчётливо задействуется принцип контекстуальной интерпретации или герменевтического круга, требующий всякую часть рассматривать в контексте целого, а целое – в контексте его частей. Однако пока речь идёт о сугубо языковых смыслах, определяющих референцию средствами грамматики языка, так что снимаемая на шестой ступени многозначность – это пока только языковая многозначность, хотя и нуждающаяся уже в неязыковом, внешнем упорядочивании, каковое обеспечивает принцип милосердия в рассуждении О.Р. Шольца.

Седьмая ступень понимания или четвёртая у В. Кюнне подразумевает такое снятие многозначности высказывания, которое позволяет реципиенту определить пропозицию высказывания, то есть то, что сказал говорящий. «Манифестацией понимания четвёртой ступени является косвенная речь. Говорящий высказывается: «you lost something», интерпретатор распознаёт (к примеру): говорящий сказал, что я что-то потерял» [9, S. 66]. Речь идёт, таким образом, об определении принципиально зависящего от контекста денотата индексикальных или дейктических выражений. О.Р. Шольц значительно конкретизирует проблему интерпретации, возникающую на этой ступени, включая в рассмотрение неполные или неопределённые дескрипции вида «человек вышел из сберкассы» и класс имен собственных, включающих, например, «Зенон», «Кембридж», «Зевс». Оба автора указывают на источник этой проблемы, а именно на рассуждение Г. Фреге о соотношении смысла и мысли в статье «Мысль: логическое исследование». Мы могли бы добавить, что здесь в интерпретации проявляет себя внятно сформулированная Б. Расселом проблема значения скрытых дескрипций, подразумевающая определение значения через знание-по-описанию, то есть через систему коммуникативно сформированных денотатов, не обосновываемых

обращением к эмпирически или логически подтверждаемому знанию. О.Р. Шольц резюмирует эту проблему выявления пропозиционального содержания: «К знанию [Kenntnis] языкового смысла индексикальных элементов предложения относится имплицитное овладение теми правилами, по которым изменяется соответствие их референции [Sachbezug] обстоятельствам выражения» [15, S. 304]. Если попытаться соотнести эту ступень понимания с нашими собственными рассуждениями, то именно здесь впервые проявляется проблема прагматического соответствия между денотатом языкового выражения и соответствующим ему сигнификатом объекта или понятия.

Восьмая ступень понимания или пятая у В. Кюнне подразумевает «способность реципиента заменить нейтральное описание действия вида „другой говорит, что Р“ более специфическим, например: „он утверждает, что Р“ или (если другой выступает на сцене) „он поступает так, как если бы он утверждал, что Р“» [9, S. 67]. Раскрытие модальности высказывания требует в терминах Г. Фреге определения «силы» суждения, в терминах теории речевых актов Д. Остина – определения иллокутивной роли и перформативной силы суждения. Традиционная грамматическая и логическая категория модальности, рассматривающая отношение высказывания (в логике – суждения) к действительности, подразумевает здесь лишь выявление способа задания синтагмой повелительного, утвердительного или вопросительного отношения к обозначаемому знаком (как целым высказыванием) денотату; обращение же обоих авторов к понятию «силы» вполне способно свидетельствовать о том, что речь здесь идёт о выявлении такого отношения пропозиции высказывания к неязыковой действительности, которое задаёт способ определения истинности высказывания. В этом случае шестая – восьмая ступени понимания ставят проблему корреспондентского определения истинности, невозможного средствами одной только семантики коммуникативного знака, но принципиально задаваемого ею.

На последней ступени, подразумевающей воссоздание прагматически имплицированного смысла или объяснение действия говорящего субъекта, реципиенту необходимо понять, почему говорящий субъект сказал то, что он сказал. Или, другими словами, реципиент должен отреагировать на высказывание как на действие. Скажем, в ответ на оскорбление больно ударить говорящего по лицу. Примеры, которые приводят и В. Кюнне, и О.Р. Шольц, свидетельствуют о том, что речь здесь идёт уже не об интерпретации языковых выражений как таковых, но о знании реципиентом жизненных ситуаций, устойчивым конвенциональным выражением которых служат языковые выражения, и способности на них адекватно реагировать: оба иллюстрируют эту ступень неадекватностью ответа «да» на вопрос «не знаете ли Вы, который час?». В общем случае В. Кюнне предлагает здесь использовать принцип «подразумеваемой целевой рациональности»: «Если мы вообще хотим понять языковое выражение другого, мы должны его рассматривать как (а) направленное на реализуемую (в его глазах) цель и как (б) соразмерное цели (в его глазах) средство» [9, S. 69]. О.Р. Шольц ещё менее конкретен: «У теории прагматически имплицированного смысла... далеко простирающаяся область задач. Она есть теория всего того, что косвенно понимается с

помощью языковых средств. Косвенность может касаться как выраженного содержания, так и модальности, как это показывают косвенные речевые акты. Столь различные феномены как метафора, ирония, гипербола и т.д. или же сами косвенные речевые акты могут быть исследованы и адекватно проанализированы в её рамках» [15, S. 312]. Собственно говоря, первый предлагает в качестве результата анализа процедуры понимания модель рациональности цели и средства, сформированную герменевтикой XVII-XVIII вв., а второй – теорию косвенного именованья, подчинённую принципу герменевтической доверительности.

Обобщая, можно сказать, что техническая герменевтика в качестве аналитической модели, обеспечивающей эксплицируемость того, о чём говорится в речи или тексте, подразумевает, что понимание имеет дело как минимум с 1) восприятием, 2) со снятием непосредственности восприятия в знаке и 2.1) с включением данного знака в систему кодов, 3) с выявлением отношения знака к денотату (отношения текста к условиям, при которых он может быть истинным), 4) с выявлением отношения отправителя сообщения к сообщению как к осуществляемому им действию. Это, пожалуй, самое широкое толкование объёма понятия понимания, включающее в себя практически любого рода работу сознания человека с информацией.

Следует упомянуть ещё одну схему понимания, коренящуюся в теории информации и подвергавшуюся жёсткой критике со стороны феноменологически ориентированных исследователей. В терминологической модели Д.И. Дубровского [2], определяющего понимание как процесс расшифровки кодов, т.е. как выявление соответствия между информацией и её носителем, задача определения понимания раскрывается как задача определения механизма преобразования системой «чуждого» кода в «естественный», как задача перевода неизвестного системе кода в известный. В этом случае утверждение о том, что некто «понимает», есть утверждение как минимум о том, что этот некто 1) обладает системой естественных кодов, т.е. способен оперировать информацией (знаками), 2) способен на фоне системы естественных кодов распознавать нечто ему неизвестное в качестве непонятого кода, где «непонятность» или «непонимание» есть знание субъекта о собственном незнании кода, 3) способен к переводу или трансформации «неизвестного», представленного в виде знания о собственном незнании кода, в известные или естественные коды. Данная модель удобна тем, что с её помощью можно непротиворечиво представить наиболее влиятельные технические модели понимания как способы работы субъекта с системами известных ему кодов, не акцентируя внимание на содержательной интерпретации этих кодов, то есть эта модель представима как компактный и внятный вариант ступеней языкового понимания В. Кюнне и О.Р. Шольца.

Перечень проблем, связанных с определением понимания в терминах «теории кодов», сформулирован Х.М. Энциенсбергер: во-первых, теория кодов не учитывает субъективность интерпретатора; во-вторых, она имплицитно статическое определение знака с жёстко связанными сигнификантом и сигнификатом; в-третьих, она пренебрегает формальными явлениями эстетического текста в

пользу рационализованного содержательного значения; в четвёртых, она рассматривает процесс интерпретации как репродуктивный, а не продуктивный (цит. по: [11, S. 46]). Мы могли бы добавить к этому, хоть и несколько устаревшему, но тем не менее прозрачному набору претензий чрезвычайную размытость объёма понятия понимания и, соответственно, отсутствие чётко очерченной сферы его применения: если в рамках одного определения возможно и перцептивное «понимание», и «понимание» прагматически имплицированного смысла, то как отличить понимание от познания, интерпретации и даже коммуникации? Насколько мы можем судить, подобного рода вопросы возникают не только при определении герменевтических и гносеологических оснований непредметной теории коммуникации, но и в аргументации в сфере исследований искусственного интеллекта, а также при обсуждении понятия интерпретации в философии науки.

Поскольку в самих обсуждаемых схемах ответа на большую часть этих вопросов нет, а модель «расшифровки кодов» принадлежит больше сфере философской, нежели технической герменевтики, эту неясность необходимо устранять средствами как самой аналитической философии, так и альтернативных историко-философских моделей, рискуя в противном случае потерять сам предмет рассуждения о понимании и поставить под вопрос продуктивность полученных В. Кюнне и О.Р. Шольцом моделей. Во-первых, необходимо указать на отличия понимания от интерпретации, зафиксированные А. Бюлером: «Понимание – это всегда правильное понимание [Richtig-Verstehen]. Интерпретация, напротив, может быть правильной или неправильной, как минимум успешной или неуспешной. Интерпретирование, таким образом, не обязано заканчиваться успехом» [6, S.119]. Интерпретация – это деятельность, возможным, но не обязательным результатом которой является понимание. Интерпретация, таким образом, занята выявлением денотатов коммуникативных знаков и способна быть истинной или ложной. Понимание есть восстановление связи между денотатом и его знаковым средством, и как таковое оно не в состоянии быть истинным или ложным. Если отождествить определённое таким образом понятие интерпретации с понятием познания, то можно утверждать, что понимание как реконструкция зависит от познания, однако не может быть им всесторонне определено и тем более не может быть с ним отождествлено.

Во-вторых, необходимо указать на то, что излагаемые В. Кюнне и О.Р. Шольцом ступени «понимания» не исключают действенно-исторического способа наполнения их содержанием. Процедура понимания для аналитической версии технической герменевтики (то есть на самом деле процедура интерпретации) раскрывает отношение между выражением и выраженным, то есть отношение референции, связывающее знак с некоторым денотатом. Тождество (или как минимум параллелизм) между современным понятием референции и определённым в терминах теории познания пониманием можно найти, как упоминалось, уже в определении Бл. Августина. Вопрос только в том, продуктивно ли это тождество в начале XXI века, после века философствования в терминах «лингвистического поворота». Бинарная семантика, из которой исходит традиция

Бл. Августина и которая была фундаментом герменевтики XVIII века как науки об истолковании, благодаря Готтлобу Фреге замещается в конце XIX века троичной семантикой, включающей не только знаки и значения, но и смыслы или, в используемой в нашем рассуждении терминологии Ч.У. Морриса, не только знаковое средство и денотат, но и сигнификат. При анализе схем В. Кюнне и О.Р. Шольца очевидно, что оба пользуются бинарной семантикой, допуская возможность «неправильного» или «неистинного» в корреспондентском смысле понимания, что невозможно при использовании троичной семантики: истинным или ложным знаковое средство делает денотат высказывания как соответствующий или не соответствующий (индивидуально определённом сознанием реципиента) сигнификату объекта или понятия, каковое соответствие регулируется исторически изменчивым прагматическим правилом; деятельность понимания может осуществляться (как процесс осуществления семантики), формируя некоторый сигнификат в виде содержания, возникающего во взаимодействии истинного денотата и обозначающего его знакового средства или не осуществляться. С точки зрения троичной семантики, денотат есть всегда, а сигнификата может и не быть (это верно для гносеологического знака, для языкового – наоборот, способ задания денотата языковой системой есть всегда, а содержательного наполнения этого места может и не быть): И. Хладениус ещё в XVIII веке определял непонимание как отсутствие мысли при восприятии высказывания.

Если на вопрос, имеет ли понимание дело с денотатом знака или с его сигнификатом в рамках семиотической схемы, дать однозначный ответ – с сигнификатом, то мы получаем возможность непротиворечивого, в том числе и в контексте истории понятий технической и философской герменевтики, ответа на вопрос о функции понимания по отношению к познанию, и в контексте истории фундаментальных философских споров XX века – ответа на вопрос о способе соединения в рамках одной онтологической модели действенно-исторического содержания сознания и технически корректного (самоприменимого) способа его выражения в системе правил понимания и интерпретации.

Литература

1. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Т.4: Герменевтика и теория литературы. М., 2001.
2. Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект: сб. статей. М., 2007.
3. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991.
4. Нестеров А.Ю. Семиотическая схема познания и коммуникации. Самара: Издательство Самар. гум. академии, 2008.
5. Birus H. Hermeneutische Positionen. Göttingen, 1982.
6. Bühler A. Die Vielfalt des Interpretierens // Bühler A. (Hrsg.) Hermeneutik. Heidelberg., 2003.
7. Dilthey W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. F.a.M., 1981.

8. Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik Tübingen, 1990.
9. Künne W. Verstehen und Sinn // Bühler A. (Hrsg.) Hermeneutik. Heidelberg. S. 61-78., 2003.
10. Meier G.F. Versuch einer allgemeinen Auslegungskunst. Hamburg, 1996.
11. Rusterholz P. Semiotik und Hermeneutik // Nassen U. (Hrsg.) Texthermeneutik: Aktualität, Geschichte, Kritik. Paderborn, München, Wien, Zürich., 1979.
12. Schleiermacher F.D.E. Die allgemeine Hermeneutik // Internationaler Schleiermacher-Kongress Berlin 1984. Berlin, New York., 1985.
13. Schleiermacher F.D.E. Hermeneutik und Kritik: mit einem Anhang philosophischer Texte Schleiermachers. F.a.M., 1999.
14. Scholtz G. Was ist und seit wann gibt es "hermeneutische Philosophie"? // Dilthey-Jahrbuch. Bd.8/1992-93, Göttingen, S.93-119.
15. Scholz O.R. Verstehen und Rationalität. Untersuchungen zu den Grundlagen von Hermeneutik und Sprachphilosophie. F.a.M., 2001.
16. Wittgenstein L. Werkausgabe in 8 Bänden. Bd.1. F.a.M., 1999.

**Диалектика бытия и мышления
в романтической герменевтике Ф. Д. Э. Шлейермахера**

Огнев А.Н., Самара

к. филос. н., доцент кафедры философии,
Самарский университет

В статье рассматривается романтическая герменевтика Ф.Д.Э. Шлейермахера в контексте основных мировоззренческих проблем немецкого романтизма. Основное внимание уделяется диалектике бытия и мышления как герменевтической проблеме. Указаны идейные истоки герменевтики Ф.Д.Э. Шлейермахера, показаны его связи с немецким романтическим мифом. Выявлены противоречия герменевтической концепции мыслителя и определены их исходные предпосылки. Установлены пределы, в которых может осуществляться рецепция романтической герменевтики.

Ключевые слова: бытие, мышление, романтизм, мировоззрение, идея, субъективность, двоемирие, герменевтика, диалектика, интерпретация.

A.N. Ognev, Samara

**Dialectics of Being and Thinking
in Romantic Hermeneutics F. E. D Schleiermachers.**

The article deals with the romantic hermeneutics of F. E. Schleiermacher in the context of the main world problems of German romanticism. The focus is on the dialectic of being and thinking as a hermeneutic problem. The ideological origins of